

УДК 13

А. А. Цыцарев

СЕТЕВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье предпринимается попытка анализа особенностей информационного общества в человеческом измерении. Показываются особенности информационного общества и риски связанные с ними. Главными рисками в информационном обществе являются: сохранение ценностей техногенной цивилизации, отождествление знания и информации, абсолютизация знания. Отличительной чертой современного состояния цивилизации является доминирование рационально-прагматического отношения к действительности. Этика, ценностные ориентиры человека, которые никак не могут быть рационально обоснованы, в прагматическом измерении не находят места. Современная человеческая деятельность не имеет аксиологических оснований, она опирается на технологическую рациональность и экономическую целесообразность.

Ключевые слова: информация, информационное общество, сеть, рациональность, знание, ценности, наука, технология, человек.

Tsytcarev Andrey A. NETWORK INFORMATION SOCIETY: AN ANTHROPOLOGICAL MEASUREMENT (Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies).

This article attempts to analyze the features of the Information Society in the human dimension. There are features of the information society and the risks associated with them. The main risks in the information society are: the conservation of values of anthropogenic civilization, the identification of knowledge and information, absolutization of knowledge. A distinctive feature of the modern state of civilization is the dominance of rational, pragmatic attitude towards reality. Ethics and man's values, which cannot be rationally justified, are not in place in the pragmatic dimension. Modern human activity has not axiological grounds, it relies on a technological rationality and economic feasibility.

Keywords: information, information Society, net, rationality, knowledge, values, science, technology, person.

Информационное общество — это понятие современной социально-философской парадигмы, согласно которой после индустриальной стадии общественного устройства наступает постиндустриальная, или информационная. Японский социолог и футуролог Й. Масуда, являющийся одним из ав-

торов концепции информационного общества, утверждает, что информация и знание становятся определяющими в информационном обществе, так же как капитал и труд были определяющими в индустриальном обществе. «Производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества»¹.

Информационное общество становится возможным благодаря информационно-технологической революции, случившейся во второй половине 20-го века. Появление информационных технологий является новой технологической революцией. Экономические, политические, культурные процессы стали глобальными благодаря развитию информационных коммуникаций. По словам американского социолога Мануэля Кастельса, эту революцию «характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение таких знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций»². Иначе говоря, производство знания определяет дальнейшее развитие самого производства знания, как в смысле его успешности или неуспешности, так и в смысле его направленности. Кастельс говорит о том, что информационные технологии требуют не только применения, но и разработки. Под этим он подразумевает тесную связь между пользователями и разработчиками информационных технологий. Результатом этой связи является тесное взаимодействие между культурой общества и производительными силами.

Авторы концепции информационного общества предлагают разные названия новой модели общественного устройства. Вот некоторые из них:

Й. Масуда называет новое общество «информационным».

Д. Белл употребляет термин «постиндустриальное общество». Постиндустриальное общество возникает в результате революции «в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер»³.

Э. Тоффлер новый тип общества определяет как «супериндустриальное». Тоффлер не дает четкого определения супериндустриального общества, он сосредотачивается на описании феноменов нового общества, через которые пытается сформировать у читателя представление о будущем общественном устройстве. Тоффлер описывает общество, в котором новше-

---

¹ Masuda Y. The information society: as post-industrial society. — Tokio: Institute for the Information Society, 1980, 29 p.

² Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; — М.: Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики, 2000, с. 47

³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986, с. 330

ства входят в жизнь человека с ускоряющимся темпом. Инновации, которые все больше «окутывают» человека, мелькают «мимо» него с такой скоростью, что он не успевает их осознать, приспособиться к ним. Тоффлер утверждает, что у человека есть предел возможностей приспособления. Новое общество, о котором говорит Тоффлер, вводит человека в шок, шок будущего. Так или иначе, для Тоффлера новое общество — это общество гигантских потоков разнообразной информации.

М. Кастельс употребляет термин «информациональное общество», утверждая что «информациональное» «указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»¹.

Во всех случаях общим является акцент, который делается на важности значения информации в новом общественном устройстве. Главным продуктом производства, а также орудием этого производства в информационном обществе является информация.

Наряду с моделью информационного общества существует концепция «общества знания» (П. Дракер, Р. Хатчинс, Т. Хусен). Данная концепция сформулирована исторически позже концепции информационного общества. Ключевая идея данной теории заключается в том, что в обществе, основанном на знании, главной ценностью и главным способом существования человека является *умение учиться*. Новые информационные технологии в данном случае ускоряют процесс получения и производства знания и призваны формировать и поддерживать умение ориентироваться в потоках информации. Важно что сам процесс обучения, усвоения, или приобщения к знаниям ускоряется, но не упрощается. Информация становится знанием тогда, когда она начинает принадлежать человеку. В том смысле, что он ее осознал и понял. Таким образом, информация является и формой представления знаний и способом их передачи. Но сама она знанием не является. Усилия для восприятия, осмысления и понимания должен прикладывать человек.

Сегодня главной структурой, обеспечивающей коммуникацию, является Интернет. Глобальная компьютерная сеть, позволяющая передавать любую информацию на любое расстояние с огромной скоростью, определяет форму и динамику современного общества. Передача, хранение, обработка информации происходят в компьютерных сетях и сетевая структура общества становится главной для тех, кто включается в современное информационное поле.

---

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; — М.: Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики, 2000. — С. 40

Проявлений сетевой организации в настоящее время становится все больше: сетевой маркетинг, сеть аптек, сеть агентов разведки или террористическая сеть. Основные характеристики сетевой организации это распределенность и отсутствие иерархии. «Сеть — это организация, но организация, которая гораздо ближе к хаосу, ближе к свободе, непредсказуемости и спонтанности, нежели к механизму, на котором основана рациональная иерархия»¹.

Сетевая организация существовала всегда, но именно сегодня информационные технологии создают материальную основу для проникновения такого рода структуры во все сферы. Главное последствие такого проникновения — это возникновение нового типа социальной организации, возникновение общества сетевого типа. М. Кастельс утверждает, что «одной из ключевых черт информационного общества является сетевая логика его базовой структуры, что и объясняет концепцию «сетевого общества»»².

На наш взгляд, сетевое общество, информационное общество и общество знания — это одна и та же социальная модель, рассматриваемая с разных позиций. В формулировке «информационное общество», делается акцент на информации, как двигателе производства и главной цели производства. В формулировке «общество знания» такой акцент делается на включенности человека в потоки информации, среди которых ему с неизбежностью приходится «лавировать». В таком случае главным умением становится умение ориентироваться в потоках информации, умение учиться, умение искать необходимое среди больших информационных массивов. В случае «сетевого общества» внимание акцентируется на структурных особенностях общества.

Для того чтобы не употреблять сложного термина «сетевое информационное общество знания», мы будем употреблять устоявшееся на сегодняшний день понятия «информационное общество», под которым будем подразумевать три вышеназванных особенности.

М. Кастельс предлагает рассматривать становящееся информационное общество с позиций так называемой технологической парадигмы, разработанной Карлотой Перес, Кристофером Фрименом и Джованни Доси. Понятие технологической парадигмы — это результат адаптации классического анализа научных революций Т. Куна к современным технологическим трансформациям. Черты этой информационно-технологической парадигмы «составляют фундамент информационного общества»³.

Приведем эти черты:

---

¹ Дугин А.Г. Сетевое общество и его враги // Профиль № 3 2008. <http://profile.ru/items/?item=25222>

² Кастельс М. Информационная эпоха... — С. 9.

³ Там же, с. 79

1. «Информация является сырьем». В отличие от предшествующих технологических революций сейчас «перед нами технологии для воздействия на информацию, а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию»¹.

2. «Всеохватность эффектов новых технологий». Информация — это интегральная сущность всякой человеческой деятельности. Все процессы индивидуального и коллективного существования формируются новым технологическим способом².

3. Сетевая логика «любой системы или совокупности отношений», использующей новые информационные технологии. Без информационных технологий сетевое взаимодействие и сетевая структура были бы слишком громоздкими. Сетевая топология хорошо приспособлена «к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий»³.

4. Гибкость. Новая технологическая парадигма способна к реконфигурации. Изменить правила организации, не изменяя саму организацию теперь возможно, потому как материальная база сегодня поддается перепрограммированию и перевооружению.

5. «Конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе»⁴. Данная особенность чисто технологического характера. Заключается она в интеграции технологий, технологических процессов и технологических отраслей.

На наш взгляд, данные черты информационно-технологической парадигмы очень показательны для понимания специфики информационного общества. Особенно важным среди названных черт, на наш взгляд, являются черты, связанные со всеохватностью эффектов информационных технологий и сетевой логикой любых систем, использующих информационные технологии.

Как уже было отмечено выше, сегодня мы имеем не только информацию для воздействия на технологию, так по сути дела было всегда, но технологию для воздействия на информацию. Всеохватность информационных технологий объясняется теми возможностями, которые они дают в самых различных областях. Производство новой информации стремительно ускоряется. Технологии обработки информации и вычислительные мощности сегодня позволяют делать множество не доступных ранее операций. Прежде всего необходимо отметить данный прогресс в научно-технической области. Современная цивилизация основана на научном знании и технологиях, по-

---

¹ Там же, с. 80

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

этому фактор производства нового знания становится определяющим для дальнейшего развития.

Однако, технологические возможности человека на данный момент угрожают ему самому, возникают вопросы в отношении действительного положения научного знания и его использования. Кризисы, которые стоят перед человеком, вызваны его собственной деятельностью, которая основана на научных знаниях. Специфика научного знания в том, что оно считается абсолютным, пока его не «дополнят» новые знания. Так было с механистической картиной мира, так было с идеей развития, которая как считалось, относится только к живым системам, и т.д. Дело в том, что знание всегда есть *знание чего-то*. Для человека знание всегда ограничено временем и пространством. Отношение человека к *конечному* знанию, *знанию чего-то*, как к *абсолютному* приводит к тем коллизиям, которые мы сегодня наблюдаем в виде глобальных кризисов. На наш взгляд необходимо помнить, что любое конкретное знание всегда является частью чего-то большего, чего в данный момент мы не знаем. Поэтому перед тем как предпринимать действия, основанные на частном знании необходимо решить вопросы связанные с возможными последствиями. Ответить на эти вопросы, в абсолютном смысле человек не способен. Для того чтобы определить, какие последствия будут после предприняемого действия, необходимо продумать все возможные изменения, всех возможных связей, которые возникнут или исчезнут во Вселенной благодаря инициированному действию. Необходимо «пройти» весь «круг» причинно-следственных связей Универсума и вернуться в исходную точку для принятия решения. Сделать этого человек не может. Исходя из этого, человек вообще не может что-либо делать и затем нести за это ответственность. Но это в абсолюте, так сказать в космических масштабах. На сегодняшний день человечество видимо не способно осуществлять какие-либо действия, которые могут иметь космический масштаб, но планетарный масштаб человек уже охватил. Поэтому главная проблема в том, что целесообразность, или рациональность, которая господствует в мышлении людей сегодня, является рациональностью технологической, или операциональной. Современное развитие, основанное на технологии, опирается на технологическую рациональность, т.е. решение любой задачи направлено, прежде всего, на достижение цели — поиск ответа. При этом сама цель рассматривается как нечто данное, не подлежащее сомнению. В отношении поставленных задач не задается вопросов о смысле их решения, последствий, которые достижение поставленной цели за собой влечет и т.д. Если задача есть, её нужно решить, *во имя технологии*. Это справедливо и для информационных технологий. Теория информационного общества «не

выходит за рамки аксиологии техногенной цивилизации»¹. Формирование нового типа общества происходит в рамках техногенной цивилизации с соответствующими ей ценностными императивами. Технологическая рациональность распространяется на сферу производства информации. Сохраняется парадигма прагматического использования научного знания. Идея прогресса, зависящего от приращения научного знания, сегодня является доминирующей. Но необходимо помнить, что модерн увенчался глобальными кризисами. Абсолютизация знания — это ошибочный путь.

Еще один важный момент — это современное представление о том, что такое знание вообще. Сегодня знание — это только то, что может давать какой-то эффект. Эффект экономический, технологический, политический. Эффект или польза — это то, что определяет сегодняшнее знание. Знание становится знанием, только когда оно позволяет получить какое-либо количественное приращение чего бы то ни было. Основным регулятивом применения знания, а также определяющим знанием фактором является эффективность, возможность его технологического использования. Всякая современная деятельность направлена на получение экономического результата, этот результат является и целью и фактором, отделяющим знание от *не-знания*. По сути дела, любая информация, которая может быть полезна для каких-либо прагматических целей, называется знанием. А.Л. Никифоров не без оснований утверждает: «в XX в. прагматическая полезность научного знания стала определяющим мотивом его получения: не любознательность, не стремление к истине, а прикладная ценность — вот чем направляются ныне исследования в области естествознания»².

Информационные технологии являются очень эффективным средством производства нового знания. Современные вычислительные мощности помогают делать открытия, которые ранее не могли быть сделаны. Но сами открытия зависят от того, какое направление исследований выбрано. Сегодня приоритет перед формированием направлений научного поиска у государства и разного рода влиятельных (экономических) структур. Так по сути дела было всегда, но осознание научных достижений как средств получения экономических, политических и прочих преимуществ, делает исследования ангажированными. Самоценность научного поиска отходит на второй план. То, что это происходит именно сегодня очень опасно, поскольку скорости производства и реализации новых *знаний-информации* очень высоки. В результате мы оказываемся в положении, когда имеем мощные средства производства нового, но это новое не выходит, на действительно новый, прин-

---

¹ Мантанова Л.В. Стратегия развития: Ценности новой цивилизации. — Улан-Удэ: издательство ВСГТУ, 2004. — С. 108.

² Никифоров А.Л. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. — 2008. -№ 5. — С. 60.

ципиально *новый* уровень. Мы остаемся в рамках технократической парадигмы, при этом имеем беспрецедентные возможности реализации старых установок: научно-технического отношения к природе и человеку; доминирования экономической целесообразности во всех сферах; ценностно нейтральное отношение к знаниям. Такие установки привели к глобальным кризисам, и их сохранение в условиях быстрого развития инновационного общества ведет только к скорейшей гибели последнего.

В условиях инновационной экономики и глобальных кризисов, каждый технологический и социальный проект должен непременно включать в себя процедуру оценки на предмет возможных угроз в перспективе. Сегодня такой процедурой становится гуманитарная экспертиза. Гуманитарная экспертиза — это оценка «последствий, которые имеет или может иметь для человека происходящее в настоящее время либо потенциально возможное в обозримом будущем»¹. Одной из главных задач гуманитарной экспертизы является предупреждение рисков связанных с технологическим развитием. Человеческая деятельность вышла на такой уровень, когда создается ситуация угрозы существования всего человечества. По мнению И.И. Ашмарина и Б.Г. Юдина: — «чтобы предвидеть потенциальные угрозы, необходимо исходить как минимум из двух посылок:

1. «Презумпция виновности»: любое социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человека, пока в отношении него не показано обратное;

2. «Презумпция бдительности»: нередко угрозы, риски и негативные последствия оказывались непредвиденными не потому, что их принципиально невозможно было спрогнозировать, а просто из-за того, что никто не предпринимал необходимых для этого специальных усилий»².

В отношении некоторых начинаний стоит задавать вопрос не только о возможных негативных последствиях в будущем, но и зачем они вообще нужны. Поскольку неконтролируемая инноватика, в конечном счете, может привести к состоянию, когда мы окажемся заложниками, а не хозяевами искусственной реальности созданной нашими же руками. Важно помнить, что наука и техника раскрывают перед человеком множество возможностей, но единственно чего они не дают, так это ответа на вопрос, какую из этих возможностей выбрать. Выбор остается вне науки, но он принадлежит человеку. Человек инициирует всякое действие, и тот или иной выбор может быть обусловлен только ценностями, смысложизненными установками, нравственными нормами. Чем-то, что не может принадлежать науке.

---

¹ Тульчинский Г.Л. Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. Серия «Мыслители», выпуск 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — С. 101.

² Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. — Наука, РАН. №3, 1997, с. 76

В информационном сетевом обществе отсутствует «иерархия» информации. В сети каждый узел равноценен любому другому узлу. Информация, располагающаяся в сети, имеет равное значение, в том смысле, что отсутствует структура, иерархия, в соответствии с которой можно определить значимость информации. «Web конструирует такую информационную реальность, где все байты информации имеют равный вес и равную значимость; здесь утеряно иерархическое знание — знание того, что является более важным, что является более глубоким и что является более устойчивым»¹. Информация не содержит в себе знания о её адекватности, истинности. «В сетевой структуре великим уравнивающим фактором является сама информация»². По словам Л. В. Мантановой, «фетишизация информационных технологий во многом объясняется отождествлением информации и знания, низведением всего богатства человеческой деятельности к ее операционально-прагматической стороне, следовательно, отрицанием духовно-ценностного аспекта жизнедеятельности человека»³. То что поддается формализации, то что можно представить в формально-логическом виде, в конечном счете в виде машинного слова, только это и является информацией. В результате то, что относится к иррациональной составляющей человеческого бытия, отбрасывается как не информация и *не-знание*. В первую очередь это касается этического знания, ценностных ориентиров человека, которые никак не могут быть рационально обоснованы и которые в прагматическом измерении не находят места. Нельзя не согласиться с Л.В. Мантановой что, «перспективы информационного общества связаны не только с развертыванием компьютерных сетей, но также с развитием тех человеческих качеств и способностей, которые в принципе не могут быть заменены машинными операциями»⁴. Машинные операции не способны осуществить нравственный выбор. А в этом выборе и заключается собственно человеческое. Основным вопросом не развития, но выживания цивилизации будет вопрос осуществления таких человеческих качеств во всех сферах.

Атомарной единицей информационного сетевого общества является не индивид, не человек, а сообщение, информация, переходящая от одного узла сети к другому. Коммуникационным узлом социальной сети является человек или какой-либо социальный субъект. Такой субъект способен «подобно ЭВМ в компьютерных сетях, обрабатывать и накапливать, создавать новую информацию, более того, быть субъектом свободного волеизъявления и действия»⁵.

---

¹ Мантанова Л.В. Стратегия развития... — С. 68.

² Нейсбит Д. Мегатренды. Пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — С. 282.

³ Мантанова Л.В. Стратегия развития... — С. 105.

⁴ Там же, с. 106.

⁵ Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. — 2008. — № 7. — С. 63.

Индивид генерирует сообщения, которые начинают существовать для всех, кто включен в сеть. Генерируя информацию, человек изменяет состояние системы. Поэтому качество, которое приобретает общество (система), зависит напрямую от индивидов, являющихся членами этого общества. В иные исторические эпохи связь между обществом и индивидом была довольно устойчивой и, что самое главное, — определенной, т.е. понятной и предсказуемой. Сегодняшняя ситуация осложнена степенью свободы, которую получает человек благодаря развитию информационных коммуникаций. Состояние системы зависит от информации в ней. Информационные процессы изменяют состояние общества. В результате состояние общества зависит от каждого индивида в отдельности. Причем, линейной зависимости между сообщениями одного индивида и поведением системы в дальнейшем нет. Последствия сообщений одного человека могут вести к глобальным изменениям.

По большому счету информация в сети и человек противостоят друг другу как хаос и организованность, как структурированность и энтропия. По словам Н. Виннера, «в мире, где энтропия в целом стремится к возрастанию, существуют местные и временные островки уменьшающейся энтропии»¹. Энтропия Вселенной прерывается островками сложнейшей организации, которыми являются живые организмы, а главной и самой сложной организацией является человек. Человек должен привносить структуру в хаос мироздания. Но для того чтобы её привносить, он сам должен её иметь, он должен её удерживать в себе. Структура человеческого бытия создается самим человеком. Человек сам создает пространство своего существования. В результате такой самосозидающей деятельности, возникают более или менее устойчивые формы человеческого бытия, без которых невозможно вести речь о человеке как таковом. Такого рода формы созданные человеком транслируются в будущее и удерживаются в настоящем различными способами: при помощи законодательства, при помощи морали, религии, или каких-либо культурных и общественных норм. На сегодняшний день в сети отсутствует законодательная и нормативная регламентация. Все, что происходит в сети, происходит только в соответствии с личными интенциями участника сетевого взаимодействия.

В современном обществе, имеющем сетевую организацию и огромные скорости передачи больших объемов информации, нет адекватных механизмов регулирования и сохранения человеческих форм. Существующие способы просто не успевают за быстро изменяющейся информацией и меняющимся обществом. Поэтому регулятором взаимодействия, а также инст-

---

¹ Винер Н. Кибернетика и общество // Перевод Е. Г. Панфилова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — С. 49.

рументом удержания и сохранения человеческих форм может быть только сам взаимодействующий.

Коммуникационными средствами глобальной компьютерной сети являются компьютеры. Машины — это средства передачи информации, они не критикуют и не анализируют. Вся работа по восприятию и осмыслению остается за субъектом. Субъект нужно понимать как личность, обладающую критическим мышлением, ценностями, внутренними мотивами. Являясь узлом сети и генерируя информацию, в тот же самый момент субъект должен осмысливать и как-то воспринимать информацию, генерируемую другими узлами-субъектами. Истинность и адекватность информации определяется воспринимающим, действующим и оперирующим субъектом. Если в сети отсутствует иерархия смыслов, то такая иерархия должна быть принесена туда человеком.

Энтропия сети возрастает, по мере увеличения в ней количества информации. Информационный хаос вызывает в человеке соответственный беспорядок интенций. Если взаимодействие в сети не основывается на внешних по отношению к сетевым коммуникациям формах, которыми являются формы человечности, то сетевой хаос приводит к хаосу человеческого бытия, деструкции личности. Основываясь на информации, которая не имеет смысловой иерархии, а не на том, что должно быть с точки зрения человеческого бытия, человек оказывается перед лицом угрозы собственного расчеловечивания. Информационный хаос как бы уводит человека от самого себя. Уводит от человеческой формы к бесформенности.

Существующая опасность потери человечности, выливается в опасность разрушения сетевого общества. Если состояние системы зависит от конкретных действий (сообщений) конкретного индивида, то важное значение приобретает то, кем является участник сетевого взаимодействия. Каков его культурный, интеллектуальный, духовный уровень. Какова направленность его духовных, интеллектуальных, культурных и прочих, интенций.

Член сетевого общества должен иметь определенный уровень ответственности, знаний, способность критического мышления. Сеть не имеет формы, или другими словами, в ней отсутствует единая форма. Не имея определенной формы сетевая структура включает в себе возможность возникновения каких угодно форм. В изоморфной сетевой информационной среде возможно все. Поэтому то, что может возникнуть в сети зависит от человека.

Сеть — это организация близкая к отсутствию организации, втягивающая в это состояние все, что в неё включено. Если не занимать активной позиции по отношению к хаосу информации, то такое положение чревато разрушением человеческой организации. В сети человек должен делать

усилия сохранения форм человеческого бытия. В условиях отсутствия законов и норм, сохранение человечности зависит от самого человека.

Хаос, кроме того что это отсутствие структуры, это еще и потенциал. Хаос — это первоначальное состояние. Для того чтобы из хаоса что-то возникло, необходимо творческое усилие, необходима работа созидания. Поэтому участник сетевого взаимодействия не должен быть только узлом коммуникации, он должен быть творческим субъектом, должен быть личностью. По словам Г.Л. Тульчинского, личность является «инфраструктурой духовного, условием его реализации, тем, что проявляет свободу»¹. Это такая организация, которая способна выходить за рамки сложившихся условий. Сохранение такой организации в ситуации информационного хаоса представляется возможным благодаря усилиям самой личности. Если человек это «усилие быть человеком»², то в условиях сетевого общества такое усилие становится труднее реализовывать, но в то же время от его реализации зависит не только бытие отдельного человека, но и всего общества. От того будет ли человек личностью в сетевом обществе, зависит существование сетевого информационного общества как такового.

Литература

1. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г., Основы гуманитарной экспертизы // Человек. Наука, РАН. №3. 1997. С. 76—85.
2. Гаджигурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. Вып. 4. М.: ИФ РАН. 2003. [Электронный ресурс] <http://ethics.iph.ras.ru/em/em4/10.html>
3. Гусейнов А.А. Что такое человек? // III Фроловские чтения. М. 2003. [Электронный ресурс] <http://www.guseinov.ru/conf/chelov.html>
4. Девятков А.П. Гуманитарная экспертиза: Претензии и притязания // Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. Новосибирск: Наука, 1992. С. 148—156.
5. Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Сафаунов Ф.С., Тульчинский Г.Л. К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Ярославль: МАПН, 2005. С. 89—110.
6. Йонас Г. Принцип ответственности. М: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
7. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008. 135 с.
8. Назаретян А.М. Человек для биосферы? // Человек. — Наука, РАН. №2 1997. С. 118—125.
9. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность. М: АСТ: Траюиткнига, 2005. С. 381
10. Протагор. Истина, или Ниспроверяющие речи // Античные философы: Свидетельства, фрагменты и тексты. Киев, 1955. С. 121.

¹ Тульчинский Г.Л. Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология... — С. 437.

² Мамардашвили М. К. Мысль под запретом. (Беседы с А. Апельбуэн) // Вопросы философии. — 1992. — № 4. — С. 73.

11. Сагатовский В. Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы // Ценностные основания гуманитарной экспертизы. Новосибирск: Наука, 1992. С. 9—33.
12. Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // Человек. — Наука, РАН. №1. 1991. С. 86—93.
13. Тищенко П.Д. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. №3. 2008. С. 198—205.
14. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 10—29.
15. Фукуяма Ф. Социальные последствия биотехнологических новаций // Человек. — Наука. РАН. №2. 2008. С. 80—88.
16. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221—238.
17. Хараш А.У. Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура // Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 1996. С. 87—129.
18. Юдин Б. Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. № 4. 2006. С. 187—194.